

С. Н. Муравьев

ЖИЗНЬ ГЕРАКЛИТА ЭФЕССКОГО *

ДРЕВНИЕ свидетельства о жизни философа Гераклита «скудны и не заслуживают доверия»¹ — таков почти единодушный приговор, вынесенный современными исследователями. Действительно, если мы отбросим все явные домыслы и выдумки более поздних времен (о которых пойдет речь в ГС), мы останемся почти ни с чем. И тем не менее это «ничто», рассмотренное критически², но без предубеждений, и соотнесенное с тем, что мы знаем об историческом контексте, в котором протекала жизнь философа, таит в себе гораздо больше ценной и заслуживающей доверия информации, чем доселе считалось. Это мы и попытаемся показать в нижеследующем разборе дошедших до нас сведений о жизни и деятельности Гераклита.

1. ИМЯ, ОТЧЕСТВО И РОДИНА ГЕРАКЛИТА (№ 1)

Имя Гераклита

«Гераклит» (правильнее было бы «Хэраклейт») — Ἡρακλείτης — типичное теофорное имя, образованное из имени богини Геры (Ἥρα) и прилагательного «славный» (κλειτός). Ср. славянские имена на «-слав». В позднеантичное время оно иногда писалось ΗΡΑΚΛΕΤΟΣ (см. № XXIII a). Латинская транскрипция: HERACLITVS. !

* Настоящая статья является комментарием к текстам №№ I—XI собрания свидетельств о жизни и сочинении Гераклита, помещенного в приложении к данному номеру ВДИ (стр. 195—215). Этим объясняются некоторые особенности формы и стиля, отличающие ее от работ обзорного характера, в частности почти полное игнорирование данных, непосредственно не связанных с содержанием текстов. Тексты №№ XII—XLIII будут рассмотрены в ближайших выпусках ВДИ в статьях «Гераклит: современники, легенда, иконография» и «Книга Гераклита Эфесского» (сокращенно: ГС и КГ). Список сокращений, использованных в примечаниях, см. стр. 216—219.

¹ Kirk HCF 3; Guthrie HGP I 408; Marcovich H 250; et al.

² Критика источников предполагает проверку их на внутреннюю и внешнюю непротиворечивость. Если оказывается, что данный источник внутренне противоречив или противоречит другим источникам, задача критики заключается в том, чтобы вскрыть причину (мнимого или реального) противоречия и тем самым его снять, что нередко позволяет извлечь неизвестную ценную информацию, содержащуюся в дефективном сообщении до его (мнимого или реального) искажения. Отказ от привлечения источника, внутренне противоречивого или опровергаемого другим источником, только на том основании, что налицо противоречие, и тем более отказ от привлечения любого источника на том основании, что нет никаких подтверждающих его свидетельств, — верные признаки не критического подхода к текстам (равно как и недискриминирующее принятие на веру всякого источника и игнорирование противоречий).

Отчества Гераклита

Имя отца Гераклита остается загадкой. Все 14 вариантов, которые мы находим в рукописях наших источников, можно свести к трем прототипам, причем два из них очень близки между собой и восходят к одному имени, а третий к первым двум не имеет никакого отношения. Так, ΒΑΘΕΩΝΟΣ, а также, может быть, и ΒΛΕΣΩΝΟΣ — искажение ΒΛΟΣΩΝΟΣ, формы, засвидетельствованной двумя рукописями Диогена, всеми рукописями «Суды» (первое отчество) и Феодорета. С другой стороны, ΒΑΥΣΩΝΟΣ и ΒΑΥΤΩΡΟΣ, а также все рукописные варианты второго отчества в «Суде», восходят к ΒΑΥΣΩΝΟΣ³. Эту же форму, правда исправленную в Βλόσωνος при помощи надстрочного омикрона над Υ, мы находим и на обезглавленной герме Гераклита и на гравюре Статия (1569 г.), изображающей, возможно, такую же герму, но еще с головой⁴. Наконец, ясно что и ΗΡΑΚΙΩΝΤΟΣ/ΗΡΑΚΙΩΝΤΟΣ у Диогена и ΗΡΑΚΙΝΟΣ в «Суде» восходят к одному прототипу.

Какую форму, Βλόσωνος или Βλόσωνος, следует считать правильной? В настоящее время преобладает мнение, что правильна форма Βλόσωνος⁵, ибо имя Βλόσων нигде более не засвидетельствовано, а имя Βλόσων, напротив, встречается еще три раза (IG XII 3 nr. 34, 26; nr. 33, 16 Στιος Βλόσωνος; Μουσειον κ. βιβλ. II, 2, 3 [1879] = DK I, с. 111, 30 Δαμοκλήδης Βλόσωνος Κρωτωνιάτης). Тем не менее, надо заметить, во-первых, что Βλόσωνος, как отчество Гераклита, не хуже засвидетельствовано, чем Βλόσωνος; во-вторых, что это несомненно древний вариант (чему свидетель герма); в-третьих, что имя Βλόσων, в отличие от Βλόσων, поддается этимологизации (ср. βλόζω и βλόσις); в-четвертых, что искажение Υ → Ο весьма трудно объяснимо.

Однако не исключено, что сама постановка вопроса (какое из двух отчеств верное?) неправильна, т. е. что Βλόσων и Βλόσων суть просто фонетические или орфографические варианты, возникшие еще в то время, когда ионийское Υ производилось [u], а не [y] (т. е. как русское «у», а не как немецкое ü)⁶. Вариант Βλόσων, по-видимому, стал общеупотребительным, а Βλόσων могло сохраниться кое-где в силу традиции. Поэтому возможно, что имя отца Гераклита действительно писалось через *ипсилон*, но позднее, под влиянием ставшего нормой Βλόσων, было соответственно исправлено (пример чему надпись на герме).

Что Βλόσωνος/Βλόσωνος и есть настоящее отчество Гераклита, вряд ли подлежит сомнению.

Что касается второго «отчества» (третьего у «Суды»), почти все исследователи⁷ отвергают форму, переданную рукописями Диогена, так как имя 'Ηρακίων нигде не засвидетельствовано (надпись IG IV nr. 1739 'Ηρακίων, по мнению специалистов⁸, неправильно расшифрована М. Френкелем). Так же обстоит и с судовским 'Ηρακίνος, не говоря уже о нелепым 'Ωρακίνου. Истинную форму определяют как 'Ηράκωντος (от 'Ηράκων),

³ Nauck, Philol., II, 160; Canter ad Clem. Strom. I, 65, 4; Gröbert, Kolotes und Menedemos, 184; DK I 143, 13 appar.

⁴ См. № XXIII с и комм. (ГС).

⁵ DK I 139 s. appar.; Kirk HCF 4; Marcovich H 246 s.; Mondolfo ETI 12 s.; Hicks DL ad loc.; Long DL ad loc. Βλόσωνος имело сторонников в прошлом веке, например B u w a t e r HER 55.

⁶ E. Schwyzer, Griechische Grammatik, I, München, 1968⁴, 181 ss.; W. S. Allen, Vox Graeca, Cambridge, 1968, 62—66; C. D. Buck, The Greek Dialects, Chicago/London, 1968, 28.

⁷ Кроме: Zeller PG I/2⁶ 587 n. = ZM 9 n. 3; B u w a t e r HER 55.

⁸ Bechtel, Genethl. C. Robert, 84 s.

ссылаясь на надпись IG II nr. 469, 122 Ἠράκωντ[ος]⁹. Правда, это чтение не объясняет *иоты*, которую мы находим и у Диогена и в «Суде» после *каппы*.

Кому принадлежало это второе имя? Некоторые предположили, что деду Гераклита¹⁰. Но в таком случае, не логичнее ли считать дошедшие до нас чтения искажениями Ἠρακλείτου (дед и внук часто носили то же имя)? Возможны и другие объяснения. ΠΡΑΚ(Ι)ΩΝ могло быть именем брата Гераклита, ставшего «царем» (эпонимом?) вместо него (см. № VI и комм.). А может быть, ΠΡΑΚΩΝ(τ)ΟΣ — просто результат контаминации ΠΡΑΚλείτος и βλοῦΩΝΟΣ? Однако, в отсутствии дополнительных данных, вопрос следует считать открытым, тем более, что до нас дошло по нескольку отчеств и для многих других досократиков¹¹.

Родина Гераклита

В том, что родиной Гераклита был Эфес, все источники единодушны.

2. ВРЕМЯ ЖИЗНИ ГЕРАКЛИТА (№№ II—V)

Что такое «расцвет»

Диоген Лаэртий (№ IIa) и «Суда» (№ IIb) помещают «расцвет» (ἀκμή) Гераклита в 69-ю Олимпиаду (= 504/3—501/0 гг. до н. э., что будет ниже писаться для простоты 504—501). Источником обоих является, прямо или косвенно, Аполлодор¹².

Понятие «расцвет» означало две вещи: физическую зрелость, которой, как считали, человек достигал в 40 лет; и высшую точку его жизненной деятельности, т. е. совершение им своего наиболее знаменательного деяния. Причем если возраст человека в момент его расцвета во втором смысле был неизвестен, совершение этого деяния синхронизировалось с его физической зрелостью и считалось, что ему тогда было 40 лет. Если же не было данных ни о том, ни о другом, с расцветом отождествляли любое датированное событие в жизни человека, свидетельствующее о том, что он в это время жил¹³.

Следовательно, утверждение Аполлодора о том, что Гераклит достиг расцвета в 504—501 гг., может значить одну из следующих четырех вещей:

1. В ол. 69 Гераклиту было 40 лет (т. е. известно, что он родился в ол. 59 [544—541]), но поскольку неизвестно, когда именно им была

⁹ DK I 140 appar., Kirk HCF 4 ссылаются еще на надпись IG IV nr. 926,83 = = IV² nr. 71,83 Ἠρακλείτος Ἠράκωνος (без τ) (ср. еще IG VII nr. 216,9). Чтение Ἠρακωντος первый предложил К. Keil (DK ad loc.).

¹⁰ Schuster H 362 s.; Kirk HCF 4.

¹¹ Marcovich H 247.

¹² Об общих вопросах древней хронологии, в частности об олимпийской эре, см., например, E. Bickermann, Chronologie, Leipzig, 1963, 48—49 и указанную там литературу. Об Аполлодоре (около 180 — после 129 гг.) и о его «Хронике», см. Ed. Schwartz, Apollodoros von Athen, RE, I, 2856—2875 (= он же, Griechische Geschichtschreiber, Leipzig, 1959, 254—281); F. Susemihl, Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit, II, Leipzig, 1891, 34; Jacoby AC; он же, FGH гл. 244 (издание фрагментов «Хроники»). Специально о хронологии досократиков, в том числе и Гераклита, у Аполлодора, см. Diels CUA 15 ss.; П. Таннери, ПШДН 31—56; Burnet EGP⁴ 38. О хронологии Гераклита, кроме уже названных работ, см. Zeller PG⁵ I 623 п. 2; Mondolfo ар. ZM I/4 6 п. 2; он же, ETI 13 п. 3 (в этих трех работах изложена практически вся история вопроса и приведена почти вся литература за последние полтора столетия); а также: Kirk HCF 1—3; Kirk—Raven 182 s.; Guthrie HGP I 408; Marcovich H 247—249.

¹³ См., например, Таннери ПШДН 32 сл.; Schwartz, ук. соч., 2858 (= 255); Рожанский А 232.

достигнута высшая точка его деятельности, будем считать, что она совпала с его физической зрелостью (т. е. с 40-летием);

2. Гераклит достиг высшей точки своей деятельности в ол. 69, но поскольку неизвестно, сколько ему при этом было лет, примем, что ему их было 40 (т. е., что он родился в ол. 59);

3. Гераклит достиг высшей точки своей деятельности в ол. 69, хотя доподлинно известно, что ему в это время было не 40 лет, а столько-то (т. е. что он родился тогда-то);

4. Неизвестно, ни когда именно Гераклит свершил наиболее выдающееся деяние своей жизни, ни в каком году он родился, но известно, что он был жив в ол. 69, и поэтому будем считать это датой его расцвета в обоих значениях слова.

Какое из этих толкований верно, пока рано судить. Ибо, к сожалению, это не единственная дата расцвета Эфесца.

Расцветы Гераклита по Евсевию. Первый расцвет (№ IIc)

Согласно «Хронике» Евсевия Кесарийского (263—340), сохранившейся в латинском переложении Перонима, расцвет Гераклита пришелся на ол. 70 (500—497) (№ IIc). Это еще победы. Но тот же Евсевий приводит еще две (!) даты Гераклитова расцвета¹⁴: ол. 80,1 (460) (№ IV) и ол. 81,1 (456) (№ IIIb). Попробуем объяснить каждую из этих дат, учитывая две особенности Евсевиевой «Хроники»: во-первых, что Евсевий черпал из разных древних хронологических традиций; во-вторых, что он был большим путаником, которого коробили лишь наиболее явные противоречия¹⁵.

В № IIc нам сообщается об одновременных расцветах в 500—497 гг. четырех лиц: Гелланика, Демокрита, Гераклита и Анаксагора. Что мы знаем о древних хронологических традициях, относящихся к каждому из них?

Гелланик. Две традиции:

1. Родился одновременно с Эврипидом, в год Саламинского сражения (480) (Vita Euripidi p. 2,5 Schwartz).

2. Родился за 65 лет до начала Пелопоннесской войны (Pamphila ap. Gell. XV, 23); последнее событие датируется 431 годом (у Евсевия [стр. 114,24 Helm²] 432-м); следовательно, Гелланик родился в 497—496 г. (= ол. 70,4—71,1).

Вывод: Евсевий исходил из второй традиции, но назвал рождение расцветом.

Демокрит¹⁶. Три традиции, из коих две (если не все три) исходят из одного и того же сообщения с амого Абдерита в его «Малом миро-

¹⁴ Евсевий пользовался безразборно терминами $\eta\nu\theta\epsilon\tau$, $\eta\chi\mu\alpha\zeta\epsilon$, $\epsilon\gamma\upsilon\omega\rho\iota\zeta\epsilon\tau\omicron$ (в порядке возрастающей употребительности) в одном и том же значении «стал известным» (Пероним также безразборно переводит: claruit, clarus [insignis, inlustris, notissimus etc.] habetur, agnoscitur), причем понимал их шире, чем $\eta\chi\mu\eta$ у александрийских хронографов: речь у него не идет обязательно о самом знаменательном деянии, а вообще о всяком выдающемся событии в жизни человека (это событие может быть известным и тем не менее не названным); связь с физической зрелостью почти полностью утрачена, и у одного и того же человека может быть несколько «расцветов».

¹⁵ См. Helm² XLII ss., особенно о случаях смешения рождения и расцвета, смешения дат и т. п. «Bei dieser Lage der Dinge ist es klar, dass ein Verlass auf die Zeitangaben der Chronik nirgends ist, sondern jede einzelne Notiz ein Problem für sich darstellt...» (XLV).

¹⁶ См. С. Я. Лурье, К хронологии софиста Антифонта и Демокрита, ИРАН, 1918, 2285—2306; S. Luria, Wann hat Demokrit gelebt?, Archiv für Geschichte der Philosophie, 28, 1928, 205—238; Jacoby AC 202; Regenbogen, «Scientia», 25, 1931, 351; Kirk — Raven 401 s.; Guthrie HGP II 386 et n. 2; Рожанский А 235—238.

строе», согласно которому последний был написан в 730 г. после падения Трои (Diog. Laert., IX, 41 = № I Лурье), причем год написания этой книги отождествляется ими с датой расцвета автора, т. е. с его 40-летием:

1. Аполлодор (Diog. Laert., *ibid.*), учитывая, что Демокрит не мог знать Эратосфеновой датировки падения Трои (см. ниже), пользуется датировкой Эфора (1150 г.) и относит расцвет Демокрита к (1150—730 =) 420 г. и, следовательно, его рождение к 460-му.

2. Диодор (XIV, 11, 5 = № VI Лурье), или его источник, пользуется ничтоже сумняшеся Эратосфеновой датой взятия Трои (1184 г.) и датирует расцвет Демокрита (1184—730 =) 454 годом, его рождение — (454 + 40 =) 494-м, а его смерть (приняв, что философ прожил 90 лет) (494 — 90 =) 404 годом.

3. Фрасилл (Diog. Laert., IX, 41 = № I Лурье) датирует рождение Демокрита 470 годом и, следовательно, его расцвет — 430-м.

Вывод: наиболее близкой к Евсевиевой является дата рождения Демокрита по второй традиции (494 = ол. 71,3); Евсевий и здесь *перепутал рождение и расцвет* и, кроме того, ошибся на одну олимпиаду. Это подтверждает и дата смерти Абдерита, которую мы находим в «Хронике» (стр. 117, 17 Helm²): ол. 94,4 (404 г.) или, шире, ол. 94 (404—401); ср. год смерти по Диодору; каким долгожителем ни был Демокрит (ему приписывали возраст от 85 до 109 лет к моменту смерти), он не мог достичь расцвета за 90—99 лет до смерти!

А н а к с а г о р¹⁷. Только одна древняя традиция, восходящая к Аполлодору и также связанная с «Малым миростроем» Демокрита, в котором тот сообщил еще, что он на 40 лет моложе Анаксагора (Diog. Laert., IX, 41 = № I Лурье). Если Демокрит, по Аполлодору, родился в 460 г., следовательно расцвет Анаксагора пришелся на тот же год, а родился он в 500 г. (Diog. Laert., II, 7).

Вывод: Евсевий опять *перепутал рождение и расцвет*.

Что касается Г е р а к л и т а, то сообщение Евсевия явно примыкает к Аполлодорову (№№ II а, б), но со смещением даты на одну олимпиаду, причем расцвет здесь правильно назван расцветом¹⁸.

Каковы причины всех этих ошибок Евсевия? Таких причин, видимо, две: объединение в одну рубрику всех дат жизни историков и философов, относящихся к ол. 69—71 (сюда входит еще и сообщение о смерти Пифагора в 497 г. [стр. 107, 19 Helm²]), что привело к сменению вперед даты Гераклита и назад даты Демокрита; и ошибочное прочтение слова ἐγένετο (или ἐγένοντο) в значении «был(и)», «жил(и)» вместо правильного более древнего значения «родились» в сообщениях о Гелланике, Демокрите и Анаксагоре, позволившее соединить их с сообщением, где говорилось, что Гераклит ἐγώριζετο (ср. № IIе, воспроизводящий точно — за исключением, разве, пропущенного ἐπίκλην = cognomeno — текст греческого оригинала Евсевия; разумеется, дата, приведенная в этом тексте, не заслуживает ни малейшего доверия).

Это предположение подтверждается сообщением Кирилла (№ IIд), которое, по нашему мнению, восходит не к Евсевию, а к тому же источнику, что и сообщение у Евсевия. № IIд любопытен тем, что в нем как раз употреблено γενέσθαι, Гераклит отделен от остальных философов (ὁμοῦ τε καί), а Гелланик вовсе не упомянут. Похоже, что Кирилл сделал ту же ошибку, что и Евсевий (понял ἐγένοντο «родились» как синоним ἦσαν), но с противоположным результатом, ибо у него получилось, что

¹⁷ Kirk—Raven 362 s.; Guthrie HGP II 266, 322 s.: Рожанский А 233—238.

¹⁸ Jacoby AC 229 et. n. 4; Marcovich H 247.

Гераклит не ἐγνώριζετο, а ἐγένετο. Из №№ II c, d, e можно реконструировать следующий оригинал источника Евсевия и Кирилла: ὁ Ὀλυμπιάδι Ἑλλάνικος ἱστοριογράφος ἐγένετο. Δημόκριτος φιλόσοφος, καὶ Ἀναξαγόρας φυσικός ἐγένοντο, ἰσοῦ τε καὶ Ἡράκλειτος ὁ ἐπὶ κλην Σκοτεινός ἐγνώριζετο «70-я олимпиада: родился исторический писатель Гелланик; родились философ Демокрит и физик Анаксагор, и одновременно стал известным Гераклит, прозванный Темным». Если это предположение верно, то в первой ошибке (в объединении данных за ол. 69—71 под ол. 70) виноват не Евсевий, а его источник.

Итак, первая дата расцвета Гераклита по Евсевию восходит к Аполлодору, хотя и оказалась смещенной на одну олимпиаду. Сообщение Диогена и «Суды» (№№ II a, b) несомненно заслуживает больше доверия.

Расцветы Гераклита по Евсевию. Третий расцвет (№ III b)

Оставим пока в стороне вторую дату расцвета по Евсевию и обратимся сразу к третьей (№ III b). В ней Евсевий сообщает об одновременном расцвете Гераклита и Зенона в ол. 81,1 (456) или, шире, в ол. 81 (456—453). О хронологии Зенона¹⁹ мы располагаем двумя древними традициями:

1. Аполлодор помещает его расцвет в ол. 79 (464—461) (Diog. Laert., IX, 29, где цифра «79», однако, издательская эмендация: рукописи дают «9» или «70») или в ол. 78 (468—465) (Suda s. Ζήνων Τελευταγόρου).

2. Платон (Parmenid. 127 A) описывает, как «очень юный» (σφόδρα νέον) Сократ встретился с приблизительно 65-летним (περὶ ἑτη μάλιστα πεντε καὶ ἑξήκοντα) Парменидом и с почти 40-летним (ἕγγυς τῶν τεσσαράκοντα) Зеноном. Поскольку Сократ родился около 470 г. (в год смерти, 399, ему было за 70), он был «очень юн» в 455—445 гг. (в возрасте 15—25 лет). На этот период и падает расцвет (40-летие) Зенона.

Похоже, что Евсевий исходит из второй традиции: в 456 г. Сократу было 14 лет, а в 453 — 17 (такой юный возраст Сократа не должен удивлять: великие люди более, чем кто-либо, могут претендовать на посмертную славу вундеркиндов).

Но каким образом Гераклит оказался в компании Зенона? Ответ нам дает сам Евсевий в своем «Приготовлении к Евангелию» (№ III a), где он утверждает, что Гераклит ἐγνώριζετο «в одно время с Эмпедоклом». А расцвет последнего Евсевий помещает непосредственно перед расцветом Зенона и Гераклита под той же ол. 81. Причем Эмпедокл оказывается в весьма странном обществе Парменида. Ясно, что мы здесь имеем дело с другой традицией, делающей Гераклита современником Эмпедокла²⁰. Правда, по Аполлодору (Diog. Laert., VIII, 52) последний достиг расцвета в ол. 84 (444—441), однако по Геллию (из Памфила?) (Gell. XVII, 21, 14) расцвет Эмпедокла оказывается где-то между избиением 306 Фабиев (477 г.) и учреждением коллегии децемвиров (450 г.). Евсевий, по-видимому, высчитал расцвет Акрагантинца из последней даты (которую он относит к 452 г., см. стр. 112, 12 Helm²), отняв одну олимпиаду²¹.

¹⁹ Kirk — Raven 286 (cf. 263); Guthrie HGP II 80.

²⁰ Jacoby (AC 230) объясняет это сближение стремлением сделать из Эмпедокла и Гераклита учеников Пифагора (ср. Diels, Dox 149); с этим соглашаются Kirk (HCF 25); Marcovich (H 248). См. след. прим.

²¹ Евсевий, по-видимому, пользовался не кратким изложением Геллия, а его более подробным источником, где, возможно, terminus post quem расцвета Эмпедокла стоял ближе к ол. 81, чем избиение Фабиев (которое у самого Евсевия не отмечено). Следует отметить, что некоторые исследователи, в отличие от Якоби (см. прим. 20), связывали этот расцвет Гераклита по Евсевию непосредственно с написанием XII таблиц децемвирами, поскольку в их работе якобы участвовал друг философа Гермодор (см. №№ IX—X и комм.): см. Zeller PG⁵ I 624 n. (= ZM 7 n.); Mondolfo

Как бы то ни было, ясно, что Гераклит оказался здесь благодаря Эмпедоклу. Подобным же образом и Парменид скорее всего упомянут под этим годом или под этой олимпиадой «из-за» Зенона, причем имеется в виду, конечно, его участие вместе с последним в беседе с юным Сократом: хотя ему было тогда «около 65 лет», это событие заслуживало упоминания и превратилось у Евсевия в расцвет. Отсюда следует любопытный вывод, что в этом месте «Хроники» Эмпедокл и Зенон почему-то «обменялись партнерами».

Эта вторая хронологическая традиция, связывающая расцветы Гераклита и Эмпедокла, скажем сразу, весьма сомнительна. Во-первых, она более нигде прямо не засвидетельствована (сближение учений обоих философов не предполагает обязательно синхронизации их биографий). Во-вторых, предполагаемая ею дата расцвета Эмпедокла покоится, по видимому, на весьма шатких основаниях. В-третьих, ей противоречат все прочие данные, прямые и косвенные, которыми мы располагаем о жизни Эфесца.

Расцветы Гераклита по Евсевию. Второй расцвет = смерть? (№ IV)

Из всех трех сообщений Евсевия о расцвете Гераклита самым интересным является второе (№ IV). Ему непосредственно предшествует, под тем же годом (460), сообщение о смерти Анаксагора. Однако, согласно уже упоминавшейся выше единственной древней традиции, Анаксагор, родившись в 500 г. и проживши 72 года (Diog. Laert., II, 7), умер в 428 г., причем из всех Анаксагоровых дат эта — самая надежная, так как торжественные похороны Клазоменца в Лампсаке не могли пройти незамеченными современниками (год его рождения выведен из Демокритова [см. выше], а продолжительность жизни высчитана из дат рождения и смерти). Но если 460 г. никак не может быть годом смерти Анаксагора, зато он как нельзя лучше подходит в качестве года его *расцвета*: 500 — 40 = 460. И соответственно, если 460 г. никак не может быть датой расцвета Гераклита (иначе пришлось бы признать существование третьей традиции или весьма маловероятное «раздвоение» второй), то не является ли он годом *смерти* Эфесца? Действительно, похоже, что здесь Гераклит и Анаксагор поменялись смертью на расцвет! Но что могло привести к такому обмену? А то, что Евсевий (или его источник) не мог, объявивши, что Гераклит умер в 460 г., затем утверждать, что он «расцвел» четыре года спустя, в 456 г.! Поскольку же ничто как будто не мешало ему считать 460 г. годом смерти Анаксагора (другой даты — 428 г. — он не приводит, а расцвет его, как мы видели, он помещает в 500—497 гг.), он и предположил в своем источнике ошибку, обратную той, которую предполагаем мы, и «воскресил» Гераклита, «умертивши» Анаксагора²².

Итак, похоже, что мы находим у Евсевия доселе нигде не встречавшуюся информацию о годе смерти Гераклита. Но если это так, то нам необходимо решить два существенных вопроса: насколько дошедшая до нас датировка точна и каково происхождение этого сообщения? Чтобы ответить на них, мы должны сперва рассмотреть еще одно свидетельство о смерти Гераклита: № Va.

ЕТИ 13 п. 3. Это толкование, однако, менее убедительно, чем сближение с Эмпедоклом, поскольку оно не объясняет упоминания последнего рядом с Гераклитом. Не исключено, правда, что связь между Гераклитом и децемвирами (через Гермодора) и хронологическая близость Эмпедокла к времени учреждения их коллегии (согласно источнику Геллия) явились дополнительным доводом для сближения времени жизни обоих философов.

²² Что эта дата относится к смерти Гераклита, предполагали уже Vallars (ар. M i g n e PL 27, 1866, ad loc.) и К. F. Hermann (Disputatio de philosophorum Ionicorum aetatibus, Gottingae, 1849, 10, 22), не объясняя, однако, причины ошибки.

Сколько лет умер Гераклит? (№ V)

В главе о Гераклите, в конце первого варианта легенды о смерти философа (см. № XXIIa), Диоген Лаэртий добавляет, что Эфесец умер в возрасте 60 лет (№ Vb). Никакого источника этой информации он не называет. Однако в биографии Эмпедокла (в предыдущей, VIII книге своего труда) Диоген приводит то же самое сообщение, вкладывая его в уста Аристотеля (№ Va): «Аристотель говорит, что он (Эмпедокл), а еще Гераклит²³, умерли 60 лет». Причем, как это показали еще Мейнеке и Дильс²⁴, эта фраза не принадлежит самому Диогену, а является чуть измененным продолжением предшествующей цитаты из «Хроники» Аполлодора, ибо из нее можно без каких-либо существенных изменений восстановить два ямбических триметра. Но как выяснилось, ту же операцию можно проделать и со следующей фразой у Диогена, в результате чего мы получаем сплошной и связный текст Аполлодора, состоящий из десяти ямбических триметров, в которых хронограф нам сообщает, что Эмпедокл не мог сражаться в рядах сиракузян против афинян, ибо был либо мертв, либо очень стар; что последнее предположение тоже маловероятно, ибо, по Аристотелю, он умер, как и Гераклит, в 60 лет; и что Эмпедокл, одержавший победу на 71-х Олимпийских играх (496 г.), был дедом философа. В том, что последнее утверждение тоже восходит к Аристотелю, нас убеждает подобное же сообщение о деде Эмпедокла из «Олимпийских побед» Эратосфена (Diog. Laert., VIII, 52; приведено после № Va) с прямой ссылкой на Стагирита²⁵. Из этого следует, что, подобно Эратосфену, Аполлодор почерпнул свою информацию, в том числе и о продолжительности жизни Эмпедокла и Гераклита, в «Олимпийских победах» самого Аристотеля (Diog. Laert., V, 26). Упоминание в них Эмпедокла-философа, помимо участия его деда в играх и Аристотелева профессионального интереса к философам, объясняется, по-видимому, еще и тем, что Эмпедокл ездил в Олимпсию, где ценил распад Клеомен исполнял его «Очищение» (Diog. Laert., VIII, 63; 66; Athen. XIV, 620 D). Не исключено также, что Аристотель первый опроверг мнение о тождестве Эмпедокла-победителя и Эмпедокла-философа (что такая традиция существовала, ясно из Diog. Laert., VIII, 53; Athen. I, 5 E) и именно для этого указал возраст, в котором умер последний: либо было известно, что Эмпедокл-победитель прожил больше, чем 60 лет (ср. другую традицию о возрасте философа в момент смерти, возникшую, возможно, в результате путаницы

²³ В настоящее время почти общепринятой является эмендация Штурца (F. Sturz, Empedocl. Agrigent., 1805, XXI s.), превращающая Гераклита — в винительном пад. — в Гераклида (Понтийского) — в именительном пад., которого Аполлодор якобы приводит в качестве второго свидетеля в пользу 60-летия Эмпедокла в год его смерти («Аристотель ведь говорит, а еще и Гераклид, что он...»); основанием для исправления служит Diog. Laert., VIII, 67—68, где пересказана версия об обстоятельствах смерти Эмпедокла, рассказанная Гераклидом. См. Sobet DL ad loc.; Diels CUA 38; Jacoby AC 272 s., FGrH 244 F 32; Wehrli SA VII fr. 86; Hicks DL ad loc.; Long DL ad loc.; Marcovich H 248 (но в HEM 664 Маркович возвращается к рукописному чтению и предпочитает вычеркнуть слова ἐστὶ τὸ Ἡρακλείτου κτλ glossема); этому, однако, противоречит метричность всей фразы, включая «гlossему», восстановленная Дильсом, правильность же последней подтверждается восстановимостью метра и следующей фразы, которую удалось установить нам — о чем см. ниже в тексте и аппарате к № Va). В необходимости этой эмендации сомневался еще Целлер (Zeller PG⁵ I 625 n. = ZM 9 n. 2), а Кранц (DK I 277, 17) от нее вовсе отказался. Действительно, не говоря о том, что все рукописи Диогена единодушно называют Гераклита, это сообщение — несомненный источник второго упоминания возраста Гераклита при смерти (Diog. Laert. IX, 3 = № Vb), о котором никак нельзя, стало быть, утверждать, что оно — «unbekanntes Ursprunges» (Marcovich H 248).

²⁴ A. Meineke, Menandri et Philemonis Reliquiae, XXIV; Diels CUA 37; FVS³⁻⁴ 1 194, 15 appar.: DK I 277, 17 appar.

²⁵ Jacoby FGrH 241 F 7.

между дедом и внуком: Diog. Laert., VIII, 74—«согласно другим, он умер в возрасте 109 лет»), либо — что он одержал победу, будучи старше 60 лет. Что касается Гераклита, он здесь назван «к слову», как пример другого философа, жившего 60 лет²⁶. Аристотель несомненно занимался сопоставлением возрастов философов (ср. *Metaph.* А 3, 984 а 11) и вообще интересовался вопросами хронологии (чему свидетель его сочинения «Олимпийские победы», «Пифийские победы», «Опровержение Пифийских побед», «Диопсийские победы», «Дидаскалии» — Diog. Laert., V, 26). О возрасте Гераклита в год его смерти он мог знать и в качестве автора или соавтора «Политий» 158 городов, среди которых был и Эфес (fr. 611⁶⁶ Rose): как мы увидим (комм. к №№ VI, VII, VIII, IX—X), Гераклит, видимо, сыграл немалую роль в политической жизни своего города.

Хронология Гераклита по Аполлодору

Итак, Аполлодор знал, какова была по Аристотелю продолжительность жизни Гераклита. Но знал ли он дату его смерти? Возможны два ответа. Первый: Аполлодор не знал даты смерти философа и поэтому ничего не сообщает ни о ней, ни о годе рождения Гераклита и указывает в качестве времени расцвета Эфесца олимпиаду, которая никак не пришлась бы на его сорокалетие, если бы он умер в 460 г. в возрасте 60 лет (в 504—501 гг. ему было бы 16—19 лет). Однако против такого мнения можно кое-что возразить. Во-первых, то, что мы не находим у Диогена никакой даты рождения или смерти Гераклита, еще не означает, что таковых не было у Аполлодора. Во-вторых, если он действительно не знал даты смерти Эфесца, приходится предположить существование третьей, более ничем не засвидетельствованной традиции о датах Гераклита (первая — Аполлодорова, вторая — поздняя, сближающая Гераклита и Эмпедокла, третья — устанавливающая, что философ умер в ол. 80). Наконец, в-третьих, если он знал даты рождения и смерти Гераклита, Аполлодору не было пужды приурочивать его расцвет к 40-летию. Поэтому, в отсутствие противоречащих данных, методически более здраво принять в качестве рабочей гипотезы второй ответ на вышезаданный вопрос, а именно: Аполлодор знал из Аристотеля продолжительность жизни Гераклита (60 лет); дата смерти Эфесца, которую мы обнаружили у Евсевия (ол. 80), тоже, по-видимому, восходит к Аполлодору, а возможно, даже и к Аристотелю (который вряд ли, зная возраст Гераклита в год его смерти, не знал, в каком году тот умер); Аполлодор приурочил расцвет Гераклита не к его 40-летию, а к какому-то действительно важному событию в жизни философа (причем и здесь источником его информации мог быть Стагирит, точнее его «Эфесская полития»). К какому именно — будет рассмотрено в следующих комментариях, посвященных тому, что мы знаем о жизненном пути Гераклита.

Предположительная хронология по Аполлодору — Аристотелю:

ол. 65 (521 — 518) — рождение Гераклита;

ол. 69 (504 — 501) — расцвет Гераклита (важное событие в его жизни);

ол. 80 (460 — 457) — смерть Гераклита.

Иными словами, из четырех значений гераклитовской ἀκμῆ, приведенных в начале настоящего комментария, мы склоняемся к наиболее информативному третьему. При этом мы вступаем в конфликт с ныне преобладающей точкой зрения, которая, напротив, выбирает наименее информативную четвертую интерпретацию ἀκμῆ Гераклита и исходит из допущения, что Аполлодор не располагал ровным счетом никакой информацией о жизни Гераклита. При этом одни считают, что хронограф,

²⁶ Ср. Zeller PG⁵ I 625 n. (= ZM 9 n. 2).

прослышав о предании, согласно которому философ жил при царе Дарии (см. № XI), выбрал произвольно в качестве времени расцвета Эфесца середину царствования персидского монарха (522—486); а другие — что он «вычислил» этот расцвет из предполагаемого совместного с Парменидом ученичества Гераклита у Ксенофана (ср. № XIV d)²⁷. Действительно, ол. 69,1 (504 г.) приходится на середину правления Дария. Верно также, что Аполлодор (Diog. Laert., IX, 23) помещал расцвет Парменида в ту же 69-ю олимпиаду (504—501), что и расцвет Гераклита, и что, по некоторым сведениям, он был учеником Ксенофана, достигшего расцвета (Diog. Laert., IX, 20) в ол. 60 (540—537), т. е. примерно 40 годами раньше. Но что касается первого мнения, у нас нет никакой уверенности, что Аполлодор имел в виду под ол. 69 именно первый год этой олимпиады: датировка Евсевия (ол. 70) скорее говорит в пользу ол. 69,3 или 4. А второму мнению противоречит «нестандартность» интервала между расцветами Ксенофана и его предполагаемых учеников: не 40 лет (10 олимпиад), как следовало бы ожидать, а 36—39 (9 олимпиад ровно или с лишним)²⁸.

Но главное не в этом, а в том, что даже мы знаем о трех достаточно достоверных событиях в жизни Гераклита, о которых не мог не знать Аполлодор и которые он никак не мог обойти при определении времени расцвета философа: Гераклит отрекся от почетного звания «царя» в пользу брата (№ VI); он убедил тирана Меланкому сложить с себя власть (№ VIII); он потерпел в Эфесе политическое поражение в лице своего друга Гермодора (№№ IX, X). Если одно из них могло быть датировано, Аполлодору не было никакой нужды прибегать к сложным вычислениям, основанным на времени царствования Дария или расцвета Ксенофана, чтобы выбрать для Гераклита подходящий расцвет.

3. ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЖИЗНИ ГЕРАКЛИТА (№№ VI—XI)

Отречение от царского сана (№ VI)

Достоин удивления, что сообщение об отречении Гераклита (№ VI a), приписываемое Диогеном Антисфену Родосскому²⁹, еще никем не оспаривалось: об этом событии до нас больше ничего не дошло³⁰. Известие это чрезвычайно важно, ибо сообщает нам о принадлежности Гераклита

²⁷ Diels CUA 33 s.; Тапнери ПШДН 52; Kirk HCF 4; Marcovich H 247; Mondolfo ETI 13 n. 3.

²⁸ Маркович (H 247) считает, что Аполлодор пользовался какими-то *διδοχαίτων* философов. Следует отметить, однако, что хотя, по мнению «некоторых», приведенному Соттином у Диогена Лаэртия (№ XIV d), Гераклит и «слушал» Ксенофана, но в таблицах преемственности философов он традиционно фигурировал, как кстати и Ксенофан, в качестве самостоятельного (*σπαραστής*) философа, не бывшего ничьим учеником. См. № XII и комм. прим. 62 (ГС).

²⁹ Об Антисфене перипатетике, авторе «Премств философов», и об отождествлении (сомнительном, см. комм. к КГ, прим. 226) его с родосским историком (первая половина II в. до н. э.), см. E. Zeller, Über Antisthenes von Rhodos, SBBA, 1883 (= Kleine Schriften, I, 291—298); Leo GRB 83; E. Schwartz, Antisthenes 9, RE I, 2537; Müller FHG III 182; Jacoby FGhH c. 508; Лурье Д 388; Mondolfo ETI 29 n. 30.

³⁰ См., например, Kirk HCF 9; Marcovich H 250 («Wir haben keinen Grund, dem Antisthenes zu misstrauen»). В качестве «аргумента» против его достоверности можно было бы сослаться на «общее место о философе, отказывающемся от трона» и привести другой пример: сообщение Диогена (Diog. Laert., VIII, 63) о том, что и Эмпедокл отказался от предложенной ему царской власти. Но Диоген ссылается на авторитет... Аристотеля (последний же — на Ксанфа, чуть ли не современника акрагантского философа)! Любопытно, что и здесь источником является Стагирит, к которому, как мы видели в предыдущем комментарии, вроде бы сходятся и все нити гераклитовской хронологии.

к роду эфесских базилидов. Благодаря Страбону (*№ VI b*), а точнее — благодаря его источнику Ферекиду Афинскому³¹, почти современнику Гераклита (расцвет Ферекида: ол. 81 = 457 — 454, по Евсевию [стр. 111, 19 Helm²¹]), мы узнаем, что цари Эфеса возводили свой род к легендарному основателю Эфеса Андроклу, сыну Кодра³². Из другого источника (*Suda s. Πυθῆγορας Ἐφεσῖος*) мы знаем, кроме того, что царская власть в Эфесе была свергнута тираном Пифагором (первая половина VI в.) и, следовательно, во времена Гераклита вот уже по крайней мере полвека, как не существовала. Тем не менее потомки рода Андроклидов продолжали называться царями и пользоваться символическими привилегиями не только на рубеже VI—V вв., но и полтысячелетия спустя, чему свидетель Страбон. Итак, Гераклит отрекся не от какой-либо реальной власти, а от председательства на агонах, от пурпурного одеяния, от булавы и, что важнее, от обязанностей жреца Элевсинской Деметры³³. Однако еще его дед (Гераконт?) или прадед мог пользоваться всей полнотой власти, и воспоминание об ее утрате должно было быть еще живо. Почему же и когда Гераклит пренебрег титулом, который должен был унаследовать от отца своего Блосона?

На оба вопроса можно ответить лишь предположительно. Ни один наш источник не сообщает, чтобы Гераклит когда-либо выполнял почетные обязанности царя или жреца и не называет его царем или жрецом³⁴. Из этого можно сделать вывод, что Гераклит никогда не был ни царем, ни жрецом и что, следовательно, брату он уступил лишь *право* на «царство». Это могло произойти либо сразу после смерти Блосона, либо тогда, когда Гераклит должен был быть утвержден «наследником» и пройти через обряды посвящения. Когда умер Блосон, мы не знаем. Зато инициация его сына должна была скорее всего прийти на время достижения Гераклитом совершеннолетия, на период его эфебии (в Афинах — в воз-

³¹ Страбон, видимо, пользуется здесь той частью генеалогического сочинения Ферекида Афинского (*Ἱστορίαι*, или *Γενεαλογίαι*, или *Ἀποβιβόμενος*), где шла речь о родословной царей Эфеса. См. J a s o b y FGrH с. 3; M o n d o l f o ETI 59 n. 102. Возможно, что и сообщение Аппианена восходит (через Аристотеля?) к афинскому логографу.

³² Античная традиция донесла до нас два предания о заселении Малой Азии эллинами. По одному, малоазийские города были основаны выходцами из Афин (так, Андрокл — сын афинского царя Кодра, ранее выселившегося из Пилоса), по другому, они были непосредственно колонизованы из Пилоса. Последняя традиция — несомненно древней и достоверней, ибо игнорирует более поздние претензии Афин считаться *πρῶτος τῆς γαῖας Ἰζωνίας* (Solon. fr. 4a Diehl = West). См. Л у р ь е ЯКМГ 205—211 (и приведенную там литературу); Н е й х а р д т НМГ 98. 101. Ср. след. прим.

³³ Некоторые исследователи (см. M o n d o l f o ETI 59 n. 104) удивляются тому, что цари Эфеса были жрецами Элевсинской Деметры, а не Артемиды Эфесской. Ответ на это дает Тепффер (T o e r f f e r, *Androkleidai*, RE, I, 2145; ср. *Androklos*, RE. I. 2148; *Basilidai*, RE, III, 96 s.). «Из того факта, что род Андроклидов в Эфесе руководил культом Деметры Элевсинии..., делался вывод, что этот род эмигрировал в Малую Азию из Аттики (V u s o l t, *Gr. Gesch.* I, 216). Но этот вывод не имеет никакой цены, так как весьма сомнительно, чтобы во время ионийской колонизации Деметра *Ἐλευσινία* уже чтилась в Элевсине. Поэтому придется под почитавшейся в Эфесе Деметрой *Ἐλευσινία*... понимать древнюю целлопоннесскую богиню, посвящую такое имя...» (цит. по С. Я. Л у р ь е ЯКМГ 208). С. Я. Лурье отождествляет ее с микенской богиней-матерью Ма (там же, стр. 208 и 302).

³⁴ Этому как будто противоречат эфесские монеты позднеархического времени, изображающие философа с дубиной, т. е., по-видимому, с той булавой (*σκήπτρον*), о которой упоминает Страбон (см. *№ XXIII a*); ср. статую из Гортины (*№ XXIII b*). Однако такое изображение в лучшем случае подтверждает предание о принадлежности Гераклита к царскому роду, но вряд ли доказывает, что он в действительности был какое-то время царем. История же о воздвижении Гераклитом алтаря Гераклу Эфесскому, поведанная в IV Псевдогераклидовом письме, апокрифична и вряд ли как-либо связана с выполнением им жреческих функций (см. M a r c o v i c h Н 250): алтари могли заказывать все граждане, имеющие на то средства.

расте от 18 до 20 лет ³⁵), т. е., если философ действительно родился около 520 г., примерно на 502—500 гг. Утверждать, что именно тогда Гераклит отказался от звания царя, мы не имеем права за отсутствием каких-либо подтверждающих данных. Тем не менее любопытно, что дата расцвета Эфесца по Аполлодору как раз совпадает с периодом его эфебии. Отречение от «царства» было весьма знаменательным событием в религиозно-гражданской жизни города и несомненно было записано. Не знал ли Аполлодор о содержании такой записи, например, из «Эфесской политики» Аристотеля (ср. прим. 30) или из «Генеалогий» Ферекида (см. прим. 31), и не решил ли он отождествить с расцветом философа событие, столь хорошо согласующееся с эллинистическим представлением о мудреце, бегущем мирской суеты и ищущем пристанища в тихой гавани философии?

Но если Аполлодор так рассудил, он, по-видимому, ошибался, ибо если отречение имело какой-то смысл, то прямо противоположный: «царь» был, видимо, лишен не только власти, но и возможности играть какую-либо роль, кроме чисто декоративной, в политической жизни города, отречение же позволяло ему влиться, на равных правах с прочими «лучшими» гражданами, в гущу политических событий (см. следующие комментарии). История Афин изобилует примерами молодых людей, жаждущих деятельности на этом поприще, и вряд ли в Эфесе обстояло иначе, хотя последний и был под персидским владычеством и, вероятно, управлялся тираном. Вспомним, что оставался какой-то год до начала знаменитого восстания ионийских городов против Персии ³⁶!

Осада Эфеса персами. Роль Гераклита (№ VII)

В 499 г. началось восстание ионийских греков против персидского владычества, столь плачевно закончившееся в 494 г. уничтожением Милета и поражением, в 493 г., всех прочих восставших городов. В этой связи любопытен анекдот, рассказанный Темистием (№ VII a), о том, как «некто по имени Гераклит» молчаливо посоветовал эфесцам «затянуть пояса» во время осады Эфеса персами. Аналогичный анекдот мы находим у Плутарха (№ XX b), но без упоминания персов. Что эпизод с ячменной крупой (точнее — мукой: *αψιτος*) — чистый вымысел, сомневаться не приходится: он явно навеян фрагментами о кикеоне ³⁷ (В 125 DK), о роскоши эфесцев (В 125А DK) и преданием о молчаливости Гераклита (№ XX a). Однако осада Эфеса персами и, может быть, участие Гераклита в снятии ее могут быть и историческими фактами. Хотя ни о какой осаде Эфеса до нас сведений не дошло, однако мы знаем из Геродота (№ VII b), что эфесцы оказали существенную помощь ионийско-афинскому войску, вы-

³⁵ Arist., Athen. Pol. 42, 1—3; Г. Е. Журавский, Очерки по истории античной педагогики, М., 1940, 88—95.

³⁶ Менее убедительным представляется объяснение, данное Целлером и Мондольфо (Zeller PG⁵ 625 n. 3 = ZM 9 n. 3; Mondolfo ETI 29 n. 31), согласно которому Гераклит отрекся в знак протеста против торжества демократии. Оно предполагает, что Гераклит-таки был царем, и приписывает ему жест чисто символический, который не имел бы никакой практической пользы и лишил бы его даже той жалкой «духовной» власти, которую ему давало звание царя. Более интересна другая гипотеза Мондольфо (там же) о том, что философ не мог выполнять обряды и жертвоприношения, противоречащие его собственным убеждениям. Но она предполагает, что он уже выработал свое философское мировоззрение прежде, чем отречься и вступить в политическую борьбу, хотя вероятнее, что к философии он, наоборот, пришел лишь потерпев поражение на государственном поприще.

³⁷ Одним из основных ингредиентов кикеона была ячменная мука, см. II, XI, 624; 641; Od. X, 234 s.; 316. В буквальном переводе *κικηων* значит «мешанина». О происхождении этого анекдота см. Mondolfo ETI 64 n. 111; 65 nn. 112—114. См. еще комм. к № XX, прим. 100 (ГС).

сидившемуся в Эфесе весной 498 г.: предоставили свою гавань (Корес) их кораблям и дали им проводников. Была ли эта помощь добровольной или вынужденной, Геродот не говорит, да и вообще это все, что он нам сообщает об участии Эфеса в событиях того времени. Тем не менее, весьма вероятно, что после сожжения ионянами Сард персы, догнавшие и разбившие их у Эфеса, пожелали отомстить и эфесцам за помощь восставшим и осадили город, но затем, по неизвестной причине, сняли осаду и ушли. Такая последовательность событий вполне согласуется и с рассказом Геродота и с утверждением Темистия, что персы, «победивши (ионийцев) силою оружия, отступили перед крупной Гераклита»³⁸. См. комм. к № VIII.

Об участии Гераклита в снятии осады мы можем только гадать. Однако в качестве царского отпрыска или брата царя³⁹ он, возможно, был самым подходящим собеседником для сатрапа Артаферна, сводного брата царя Дария (Herod., V, 25, 30), и действительно убедил его в том, например, что эфесцы действовали по принуждению, оставаясь верными своему персидскому владыке.

Отречение тирана Меланкомы. Роль Гераклита (№ VIII)

Хотя формально сообщение Климента о тиране Меланкоме (№ VIII a) ничем не отличается от сообщения Антисфена об отречении философа (№ VI a) [оба суть единственные свидетельства об упоминаемых в них событиях и лицах], однако исследователи, единодушно одоблив второе, так же единодушно отвергли первое и спорят лишь о том, есть ли в нем какое-либо историческое ядро. Бернайс еще в прошлом веке предположил, что *Μελαγκόμεας* — полное имя эфесского тирана *Κομης*, изгнанного, вместе с другим тираном *Ἀθηναγόρας*, поэта Гиппонакта (Suda s. Ἰππώναξ), что хронологически исключает какую-либо связь между (Мелан)комой и взрослым Гераклитом⁴⁰. Кэрк, не отвергая этого предположения, ду-

³⁸ Никак нельзя согласиться с Мондольфо, когда он пишет (ETI 65 n. 113), что «il racconto di Temistio, che fa intervenire una guerra dei Persiani contro un'Efeso indipendente nell'epoca della maturità di Eraclito, urta contro la realtà storica del dominio che aveva allora la Persia sulle città ioniche, pur lasciando ad esse la loro autonomia interna». Именно в период «зрелости» Гераклита (как ее ни понимай) персы воевали с зависимыми от них, но восставшими против них ионийскими городами; зависимость от персов во всяком случае не помешала эфесцам оказать содействие войску восставших. — Интереснее мнение Бюрхнера (B ü r c h n e r, Ephesos, RE, V, 1905, 2789), который считает, что в битве у Эфеса эфесцы сражались на стороне персов, ибо, во-первых, храм Артемиды не был разрушен (S t r a b o, XIV, 634); во-вторых, в 494 г. эфесцы перебили хиосцев, бегущих из-под Милета (H e r o d., VI, 15 s.); а в-третьих, после Платей (479 г.) некий эфесец Дионисофан якобы похитил труп убитого Мардония (H e r o d., IX, 84). Второй и третий аргумент к нашему событию не имеют почти никакого отношения (к тому же Геродот уточняет, что хиосцы были перебиты по ошибке). Сохранность же Артемиды доказывает лишь то, что эфесцы не сражались на стороне ионян, т. е. скорее всего соблюли нейтралитет, и что если персы действительно осадили город, то затем и впрямь отказались от намерения его брать. — Учитывая полное молчание Геродота относительно участия Эфеса в ионийском восстании, а также весьма уязвимое положение города (близость от столицы сатрапии Сард, через которые проходила царская дорога Сузы — Сарды — Эфес [H e r o d., V, 53 s.]), родина Гераклита скорее всего держалась по возможности нейтралитета в течение всего восстания, благодаря чему и избегла участи Милета и других городов.

³⁹ Брат Гераклита, в пользу которого он отрекся, мог быть еще несовершеннолетним.

⁴⁰ B e r n a u s NB 14 s.; GA I 30; 31 n. О хронологии см. J a c o b u AC 228 n. З. Расцвет Гиппонакта: ол. 59,4 (541) *Μαγγορ Ραγιου* 42; ол. 60 (540—537) *Ρ λι ν.*, HN, XXXVI, 11; ол. 64,4 (521) *Προκλ.* Некоторые исследователи считают, что Гиппонакт изгонялся из Эфеса дважды, один раз при Афинагоре, другой — при Комае (см. B ü r c h n e r, Ephesos, RE, V, 2789, и возражение: *Μ α γ σ ο v ι c h H* 251), что возможно, ибо предполагает короткий период демократии в Эфесе, совпадающий с царствованием лже-Бардия (Смерды) Гауматы и с последовавшей смутой в Персии (521 г.) См. ниже прим. 43.

мает, что мы имеем здесь дело с искажением сообщения о собственном отречении философа (*№ VI a*) и что все сводится к общему месту о философе — советнике правителя⁴¹. Маркович принимает последнее предположение и считает, что здесь кроме того произошла путаница с эфесским вельможей Меланкомой, упоминаемым Полибием (Polyb., VIII, 15 ss.) при описании событий 214 года (!) до н. э.⁴² Любителям подобного рода рассуждений можно предложить еще одно привлекательное «решение»: имя *Μελαγκόμας* является результатом слияния имен *двух* известных эфесских тиранов — Мелана (*Μέλανς*)⁴³ и Комы (*Κομάς*).

Но такой подход в корне неверен, ибо мы не располагаем ни единым источником, который противоречил бы нашему. Имя Меланкома существовало и хорошо засвидетельствовано⁴⁴. Что во времена Гераклита, при персидском владычестве, Эфесом правил тиран, почти несомненно. А поскольку ни о каком другом тиране мы для указанного периода не знаем, то у нас нет ни малейшего основания не доверять Клименту. Что касается «общего места» о философе, влияющем на правителя, его можно с таким же основанием усмотреть и в сообщениях о взаимоотношениях Анаксагора и Перикла, Платона и Дионисия, Аристотеля и Александра; речь идет не о «топосе», а о явлении, характерном для всей доэллинистической философии: философы VI—IV вв. принимали, *все*, живейшее участие в общественно-политической жизни своего времени. Поэтому нас должно интересовать другое: когда именно правил тиран Меланкома? Когда и почему он отказался от власти? Что побудило Гераклита советовать ему этот шаг? Вполне определенных ответов на эти вопросы мы не найдем, но утверждать, что мы начисто лишены информации, мы также не имеем права.

Геродот сообщает нам, что когда милетский тиран Аристагор решил поднять ионийские города против персов, он первым делом завладел ионийским флотом, участвовавшим вместе с персами в неудачном походе против Наксоса, и захватил ионийских военачальников (т. е. тиранов) на их кораблях (Herod., V, 36). «Так-то Аристагор открыто поднял восстание и пустил в ход все средства во вред Дарию, — пишет далее Геродот. — Прежде всего он для вида уничтожил тиранию и установил демократию в Милете для того, чтобы милетяне добровольно примкнули к

⁴¹ Kirk HCF 13: «This may be a perversion of the story that Heraclitus himself gave up the hereditary βασιλεία of the Androclids... Probably the story is a fiction of the common philosopher-influencing-king category».

⁴² Marcovitch H 251: «Vielleicht liegt der Nachricht eine Verwechslung aus dem aus Polyb. VIII 15 ff. bekannten Mächtigen Melankomas aus Ephesos (Ende des 3. Jhdts. v. Chr.) zugrunde, kombiniert mit dem Topos (so Kirk 13) über die Philosophen als Berater der Könige». См. еще Mondolfo ETI 61 n. 105.

⁴³ Мелан был зятем предпоследнего лидийского царя Алиатты и отцом эфесского тирана Пиндара, побежденного своим дядей Крезом (сыном Алиатты) и ушедшего в изгнание, чтобы спасти Эфес от разрушения (Aelian., Var. hist. III, 26; Polyb. n. VI, 50; Herod. I, 26; cf. ibid. 92; IGA 493; Brit. Mus. III nr. 518). О том, что Мелан был тираном, заключают из сообщения Элиана (там же), что его сын Пиндар «унаследовал власть над Эфесом». Очевидно, что Мелан не мог быть современником и Алиатты и Гераклита. Зато возможно, что и позднейшие тираны Эфеса — Афинагор, Кома и Меланкома — принадлежали к одной и той же династии, что и Мелан и Пиндар (а может быть, еще и первый тиран Пифагор). Во всяком случае известно (из Элиана, там же), что, уходя в изгнание, Пиндар «оставил сына... в Эфесе, назначив одного из своих приближенных, Пасикла, опекуном его» (перевод С. Поляковой), и не исключено, что этот сын унаследовал власть отца после поражения Креза и установления персидского владычества в Эфесе. Если это так, то выбор имени Меланкома для члена династии, в которой уже представлены и Мелан и Кома, вряд ли случаен. Можно также предположить, что Меланкому, сына Комы, так прозвали в шутку (*Μελαγκόμας* = «черноволосый»), а что на самом деле его звали *Μέλανς* (ο) *Κομάς*.

⁴⁴ «beide (sc. Namen) gut belegt» (Marcovitch H 251). Необходимо отметить лингвистическую несводимость имени *Κομάς* ко второму корню в *Μελαγκόμας* (удлинение гласной необъяснимо).

восстанию. После этого Аристагор *сделал то же самое и в остальной Ионии* — одних тиранов он изгнал, а других, которых успел захватить на кораблях после похода против Наксоса, выдал тем городам, чтобы снискать их расположение, откуда тираны были родом» (V, 37; перевод Г. Стратановского). Допустим, что среди этих тиранов был и Меланкома. Либо он был схвачен на корабле и выдан эфесцам, либо просто изгнан из Эфеса. В первом случае Гераклиту было нечего делать, во втором он мог посоветовать тирану уйти добровольно, не дожидаясь изгнания. Однако последнее тоже маловероятно. Во-первых, по нашим расчетам, Гераклиту в 499 г. было всего лишь около 21 года и он только-только отрекся от своего царского титула. Во-вторых, как будет видно из дальнейшего (см. комм. к №№ IX—X), он, по-видимому, придерживался если не персофильских, то во всяком случае антидемократических воззрений. В-третьих, — и это главный аргумент — мы уже отмечали выше (комм. к № VII, прим. 38), что Эфес вряд ли участвовал в ионийском восстании: ввиду его стратегического положения в трех днях пути от Сард, на самой оконечности «царского тракта» Сусы — Сарды — Эфес, персы должны были держать там гарнизон (да и туда, по-видимому, направились остатки персидского войска, участвовавшего в походе против Наксоса [см. Herod., V, 34]), и Аристагор вряд ли пошел бы на прямое столкновение с ними, еще не заручившись поддержкой Спарты и Афин (за которой он и отправился сразу же после описанных событий). Поэтому вероятнее, что Эфес оказался вне поля деятельности милетского экс-тирана и, если там правил Меланкома, он, видимо, и остался у власти под надежной защитой персидских воинов. Следующей же весной, когда высадились мощная армия афинян, эритрейцев и ионян (см. комм. к № VII), Эфес оказался слабее ее и не оказал сопротивления, но, видимо, и не перешел на сторону восставших, ограничившись мелкими услугами во избежание столкновения, которое, кстати, было бы невыгодным и ионийскому войску, спешившему в столицу Лидии Сарды, где обретался сатрап Ионии Артаферн. Тот факт, что ионийский флот остался невредим в Коресе в течение всего похода восставших в Сарды и обратно, еще не говорит о победе в Эфесе проионийской демократической партии, изгнавшей тирана и нейтрализовавшей персидский гарнизон (к тому же последний, скорее всего, должен был отступить к Сардам перед превосходящими силами противника); видимо, сам тиран и власть имущие, не зная, чем кончится предприятие ионийцев, заняли выжидательную позицию, готовые в любой момент примкнуть к той или другой стороне. Милостивое к Эфесу отношение персов после их победы над восставшими — достаточно яркое тому доказательство.

Но о низложении тиранов в ионийских городах Геродот оставил нам еще одно свидетельство, относящееся уже не к началу ионийского восстания, а к следующему году после окончательного его поражения. В 492 г. персидский полководец Мардоний, зять Дария, перед тем как отправиться в свой неудачный поход против материковой Греции и желая, по-видимому, обезопасить свои тылы, реорганизовал систему правления ионийских городов, сместив всех тиранов и восстановив демократию (№ VIII b). Смысл этой реформы понять не так уж трудно. До ионийского восстания персы опирались на своих ставленников тиранов. Однако роль, сыгранная Гистиеем и Аристагором в поднятии восстания, и, быть может, участие в нем и других тиранов, низложенных Аристагором «для вида», видимо, убедили персов в ненадежности этих союзников и они решили, что демократия с ее вечными раздорами и отсутствием «сильных личностей» — гораздо для них безопаснее. К тому же демократия под эгидой Дария должна была привлечь на сторону персов массы простых

граждан, несомненно жаждавших мира и настроенных против притеснявшей их аристократически-олигархической верхушки.

Как бы то ни было, Геродот свидетельствует о низложении всех тиранов, из чего следует, что от «демократий», установленных Аристагором, к тому времени ничего не оставалось и что это мероприятие, по-видимому, касалось и Эфеса. В чем лично провинился Меланкома в глазах персов, неизвестно. Скорее всего, просто в оппортунистических шатаниях. И тут Гераклит, которому было около 28 лет и который жаждал развернуться, возможно, и убедил Меланкому сложить с себя власть, не дожидаясь приказа перса, в надежде, что удастся протолкнуть к власти «своего» человека, например Гермодора (см. комм. к №№ IX—X). Мардоний плыл с юга (из Киликии) и весть о том, что он снимал тиранов во всех ионийских городах на своем пути, должна была опередить его в Эфесе. Таково при имеющихся у нас данных наиболее вероятное толкование сообщения Климента⁴⁵.

Изгнание Гермодора. Политические взгляды Гераклита (№№ IX—X)

Из фр. В 121 Гераклита (№ IX a), дошедшего до нас в трех вариантах — Страбона (№ IX b), Диогена (№ IX c) и Цицерона (№ IX d), — мы узнаем, что в Эфесе жил некто Гермодор, «наиполезнейший» из эфесцев, которого последние изгнали именно за то, что он «наиполезнейший», т. е., как, по-видимому, правильно понял Цицерон, за то, что он возвысился над остальными гражданами. Одновременно мы узнаем о крайнем возмущении Гераклита по поводу этого изгнания. Диоген (№ IX c) называет Гермодора «товарищем» Гераклита, Цицерон (№ IX d) — «предводителем эфесцев»; оба, скорее всего, умозаключили об этом из самого фрагмента. Кроме того, имеются менее надежные сведения о Гермодоре, которые, если они верны, существенно дополняют картину: Гермодор был составителем законов (№№ IX e, f); он дружил с царем Дарием (№ IX e); некий Гермодор был автором предписания на ионийском языке о том, как обуваться женщинам (№ X a)⁴⁶; некий Гермодор Эфесский участвовал в составлении римскими децемвирами знаменитых XII таблиц в 452—450 гг. (№№ X b, c); наконец, существовала традиция, отождествлявшая последнего Гермодора с другом Гераклита (№№ IX b, X b)⁴⁷.

Вопрос о Гермодоре представляет большой интерес, ибо связан с вопросом о политических убеждениях Гераклита. К сожалению, последние не поддаются полной реконструкции⁴⁸, несмотря на то, что философ нам оставил несколько высказываний с явной политической окраской. Первое, что обращает на себя внимание в них, это упор, который делает Гераклит на необходимости закона: «... город (силен) законом...» (νόμοι [sc. ἰσχυρί-ζεται] πόλις — В 114 DK = 23^a Marcovich); «сражаться должен народ за закон, за действительно законный, как за стены (города)» (μάχεσθαι χρὴ τοὺς ἄνθρωπον ὑπὲρ τοῦ νόμου, ὑπὲρ τοῦ γὰρ νόμιμου [scrispsi : γινόμενου codd.], ὅπως περ τοῦ τείχεος — В 44 DK = 103 Mch); причем именно не за какой угодно закон, а только за «действительно законный», т. е., по-видимому, за тот, который «питается единым божественным (законом)» (τρέφεται... πάντες οἱ ἀνθρώποι νόμοι ὅτι ἐνός τοῦ θεοῦ — В 114 DK = 23^a Mch).

⁴⁵ Разумеется, возможно и то, что Меланкома сложил с себя власть при каких-либо других, чисто эфесских, обстоятельствах, о которых мы ничего не знаем.

⁴⁶ См. Wilamowitz NS 71 п. 1. Маркович (Marcovich H 252) считает правдоподобной традицию о Гермодоре-законодателе и принимает как возможное предложенное Виламовитцем отождествление этого Гермодора с другом Гераклита, «obwohl der Name Hermodoros sehr oft vorkommt».

⁴⁷ См. в конце наст. комм. и прим. 60.

⁴⁸ Наша реконструкция следует, развивая и несколько видоизменяя ее, за той, которую предложил Маркович (Marcovich H 251). Как и он, так и мы вынуждены оговориться: «Dies bleibt Vermutung».

Защищая закон, Гераклит, естественно, подчеркивает опасность произвола: «произвол надо гасить скорее, чем пожар» (*ἄβριν χρῆ σβεννύσαι μάλλον ἢ πυρκαϊήν* — В 43 DK = 102 Mch), «самолюбие — падушая» (*οἰήσεις ἰερά νόσος* — В 46 DK = 114 Mch). Все это, по-видимому, указывает на антитираническую направленность Гераклита. Вспомним Сократа: «а правление против воли народа и не на основании законов, а по произволу правителя, (Сократ считал) тиранией» (перевод С. И. Соболевского; ... τὴν δὲ ἀκόντων [sc. τῶν ἀνθρώπων] τε καὶ μὴ κατὰ νόμους [sc. τῶν πόλεων ἀρχῆν], ἀλλ' ὅπως ὁ ἄρχων βούλοιο, τυραννίδα [sc. ἤγετο Σωκράτης], Xenoph. Mem. IV, 6, 12)⁴⁹. Участие Гераклита в изложении Меланкомы (№ VIII) подтверждает это предположение.

Но, как считают, тирания в Эфесе и в остальных ионийских городах была при персидском владычестве тиранией преимущественно аристократической⁵⁰, т. е. вроде бы представляла интересы того самого класса, которому принадлежал Гераклит. Однако нельзя забывать и того, что Гераклит не был «обыкновенным» эвпатридом, а «благороднейшим» из них, потомком царского рода. Власть же этого рода была в свое время ограничена именно аристократией⁵¹, из которой, наверное, и вышли тираны Пифагор, Мелан, Пиндар (последние два были даже в родстве с лидийскими царями)⁵². Это, по-видимому, отчасти обусловило враждебность Гераклита к тирании, т. е. его «непопулярность» родовой аристократии⁵³. Но при этом Гераклит, очевидно, не верил также в возможность реставрации царской власти, иначе бы он вряд ли сам отрекся от своего сана царя-жреца (№ VI).

Не вызывает сомнения также и явно антидемократическая настроенность Гераклита, причем философ включает в понятие «демос» и преуспевающую прослойку городских пуворищей — купцов, работорговцев, судовладельцев, хозяев эргастериев. Действительно, больше всего он нападает на «пресыщение» и богатство демоса: «большинство же смертных пресыщаются словно скоты» (*θνητῶν [οἱ δελεῖν] δὲ πολλοὶ κερδρηνται ὀκωσπερ κτήνηα* — В 29 DK = 95 Mch), «Да не иссякнет для вас богатство, эфесцы, чтобы вы изблещали себя в своей порочности» (*μὴ ἐπιλίποι ὑμῖν πλοῦτος, Ἐφέσιοι, ἵν' ἐξελεγγοισθε πονηρεῖσθενοι* — В 125A DK = 106 Mch). Но Гераклит ополчается и против демократии как правления большинства, т. е. народных масс: «один для меня — тьма, если он наилучший, бесчестные же — никто» (*εἰς ἐμοὶ μῦθος, εἰς ἀριστος ἦ, <οἱ δ' ἀναριθοὶ οὐδεὶς : supplevi ex. Anth. Gr. VII, 128 = № XXVIIi>*) — В 49 DK = 98 Mch; ср. еще конец фр. В 121 (№ IX a).

Что же Гераклит противопоставляет аристократической тирании и власти демоса? Нечто весьма неясное и, по-видимому, утопическое, некую конституционную монархию вроде той, которую Сократ у Ксенофонта оп-

⁴⁹ Margovich Н 251.

⁵⁰ См. «Древняя Греция», М., 1956, стр. 171: «Между тем персы в своей политике по отношению к греческим городам, как правило, ориентировались именно на отживающую родовую аристократию, не без основания рассчитывая найти в ней наиболее надежную опору для своего господства. Во всех подвластных им греческих городах они насильственно насаждали аристократические тирании. Посаженные ими правители обычно целиком опирались на местную аристократию...».

⁵¹ Ср. «Древняя Греция», М., 1956, стр. 134 (об Афинах): «В рассматриваемое время (т. е. в VII в. — С. М.) царская власть уступила свое место правлению девяти, ежегодно избравшихся из среды только эвпатридов, должностных лиц — архонтов»; «...социально-политический строй древних Афин характеризовался господством родовой аристократии». Ср. З е л ь и н БИГ 249 слл.

⁵² См. комм. к № VIII прим. 43.

⁵³ Поэтому вряд ли можно признать самоочевидным следующее умозаключение Марковича (Margovich Н 251): «Als Aristokrat... musste er gegen die Tyrannis kämpfen».

ределял как «правление при добровольном согласии народа и на основании законов городов» (τὴν μὲν γὰρ ἐκόντων τε τῶν ἀνθρώπων καὶ κατὰ νόμους τῶν πόλεων ἀρχὴν βασιλείαν ἤγειτο — Xenoph. Mem. IV, 6, 12). Во всяком случае Гераклит не только предпочитает одного «наилучшего» тьме «дурных» (В 49, ср. В 104), но и возводит подчинение одному человеку в закон: «закон — и воле следовать одного» (νόμος καὶ βουλήι πείθεσθαι ἑνός — В 33 DK = 104 Mch) — подобно тому, скорее всего, как все законы «питаются единым божественным» (В 114) — «ибо предпочитают всему одно наилучшие — вечную славу...» (αἰρέονται γὰρ ἐν ἀντι πάντων οἱ ἀριστοὶ, κλέος ἀένανον... — В 29 DK = 95 Mch). Термин ἀριστοὶ обозначал вообще «благородных», т. е. эвпатридов, аристократов, но Гераклит возвращает ему явно этическую окраску: «наилучшим» является не тот, кто стремится к богатству и пресыщению, не брезгуя при этом никакими средствами, а тот, идеал которого — «вечная слава», т. е. в первую очередь воинская доблесть (ср. фр. В 29, В 24, В 25), но, возможно, тоже и слава справедливого правителя, принесшего городу благосостояние⁵⁴.

Поэтому прав Маркович, когда считает политическим идеалом Гераклита эсимнетию, но вряд ли этот строй можно назвать, как это делает он, «умеренной демократией» под эгидой «умеренного человека» (Гермодора)⁵⁵. Эсимнетия, «выборная тирания», требовала не участия народа в управлении городом, а лишь его одновременного согласия на новое законодательство, подготовленное, по-видимому, Гермодором (возможно не без участия самого Гераклита — ср. № IX f [VII, 1]) и устанавливающее, пусть ограниченное законом, но все же единоличное правление.

В этом согласии Гермодору и Гераклиту было отказано, и иначе быть и не могло. Народ сразу почуял угрозу новой тирании; в этом настроении его несомненно поддерживали богатые «предприниматели», вряд ли доверявшие аристократу Гермодору, который, к тому же, явно стремился ограничить их неумеренную роскошь и запретить им кое-какие слишком грубые средства обогащения (ср. В 29, В 125А). Труднее определить отношение самой аристократии к Гермодоровой реформе. Видимо, она не была едина. Среди эвпатридов несомненно были люди, тесно связанные с низложенным тираном и видевшие в Гермодоре и его друзьях лишь соперников, стремившихся занять их место у кормила власти. Другие, возможно, опасались восстановления старой монархии за счет «прав» аристократии⁵⁶. «Партия» же Гермодора—Гераклита скорее всего состояла из представителей обедневшей аристократии, пекущейся не столько о собственном благополучии, сколько о разумной кодификации политической жиз-

⁵⁴ Любопытно, что говоря о Гермодоре по имени, Гераклит называет его не ἀριστος, а ἀριστετος, что не то же самое. Видимо, последний термин был избран взамен оппозиного (в глазах демоса) ἀριστος, чтобы подчеркнуть именно полезность Гермодора для народа, а не его благородное происхождение. Судя по ответу эфесцев, они не приняли во внимание эту тонкость.

⁵⁵ Marcovich H 251: «So wie es in der näheren Vergangenheit geschah, dass die ältere Tyrannis von Ephesos (Pythagoras, Melas, Pindaros usw.) durch eine gemässigte Demokratie unter einem Aisymnetes, dem Aristarchos aus Athen, ersetzt wurde, welcher μόνναρχον εἶχεν ἐξουσίαν (vgl. Suda s. Ἀριστάρχος), möchte H. auch jetzt die jüngere Tyrannis der Nachfolger des Athenagoras und Komas durch eine feste Verfassung beseitigt sehen, unter der Vorherrschaft eines gemässigten Mannes, seines Freundes Hermodoros..., lieber als eine reine Demokratie». (Приглашение эсимнета Аристарха на пять лет из Афин, видимо, произошло в то время, когда Эфесом владел Крез, т. е. после взятия им города и изгнания тирана Пиндара около 560 г. и до завоевания в 546 г. Лидии и Ионии Киром, восстановившим в Эфесе тиранию. Аристарх, возможно, вдохновлялся солоновским законодательством и писистратовским способом единоличного правления). Об эсимнетии см. Arist., Polit. 1285 a 31 ἐστὶ δὲ τοῦθ' ὡς ἀπλῶς εἰπεῖν αἰρετὴ τυραννὶς κτλ. («эсимнетия», вообще-то говоря, выборная тирания...») (ср. 1295 a 14).

⁵⁶ Гермодор мог быть братом Гераклита. Ср. Томсон ПФ 259.

ни, которая бы положила конец всем эксцессам и возродила бы древний «кодекс чести»: воинскую доблесть (Эфес явно пасовал перед персами), умеренный образ жизни (Эфес был изнежен роскошью) и гражданский мир (как и другие города Ионии, Эфес был ареной нескончаемых внутренних распрей). Короче, ее идеал имел нечто лаконское; не исключены также и какие-то пифагорейские влияния.

Изгнание Гермодора не могло произойти раньше восстановления в Эфесе демократии (формулировка причины изгнания в фр. В 121 = № IX a отражает явно антитиранические настроения масс). Мы видели в предыдущем комментарии, что демократия была восстановлена в 492 г.⁵⁷ Этот год и есть, следовательно, *terminus post quem* изгнания Гермодора (и написания Гераклитом своего сочинения). В этой связи кажется неправдоподобным заступничество Дария в пользу Гермодора, предполагаемое III псевдогераклитовым письмом (№ IX f). Целью Дария в 492 г. было как раз помешать, путем восстановления демократического равноправия, выдвижению сильных личностей вроде Гермодора. Если в III письме и есть какой-то отзвук исторической истины, то он заключается скорее в том, что до 492 г. Гермодор и Гераклит, видимо, противились каким-либо действиям Эфеса на стороне восставших ионийцев, к которым, быть может, временами склонялся эфесский тиран (ср. комм. к № VII) — действительно, борьба против Персии могла иметь только плачевные последствия для Эфеса. Да и побуждая Меланкому к добровольному отказу от власти (№ VIII), Гераклит, вероятно, также хотел избежать столкновения с Мардонием, которое бы неминуемо произошло, если бы тиран вздумал сопротивляться. Это не значит, конечно, что Гермодор и Гераклит были убежденными персофилами. Просто, учитывая обстановку, они считали борьбу с варварами бессмысленной⁵⁸. А когда персы разочаровались в тиранах, антитираническая оппозиция Гермодора и Гераклита оказалась их временным союзником (см. ниже, в комм. к № XI, о возможных сношениях между Гераклитом и Дарием).

⁵⁷ Zeller НЕНР 15; PG⁵ I 625 n. = PG⁶ I/2 786 n. = ZM 8 n., а вслед за ним Th. Gomperz GD² I 50 = Гомперц ГМИ 55; Reinhardt P 157; Wilamowitz GH II 911 считали, что демократия могла восторжествовать в Эфесе только после освобождения Ионии от персидского ига (478 г.). Это мнение было справедливо опровергнуто на основании свидетельства Геродота (VI, 43 = № VIII b) многими учеными, в частности: E. Meyer, Geschichte des Altertums, IV, 217 s.; Jacoby AC 227 s.; Diels H¹ VII; Burnet EGP³ 130; cf. Kirk HCF 1; Mondolfo ETI 14. — Согласно фр. В 121 Гераклита (№ IX a), Гермодор был изгнан за то, что он был «наиполезнейшим», т. е. пользовался чрезмерным влиянием. Эта мотивировка перекликается с мотивировкой Клефенова закона об остракизме (Arist., Ath. pol. 22, 1—8). Последний был введен скорее всего в 505/4 г., но был впервые применен только два года спустя после Марафона (т. е. в 488/7 г.) против Гиппарха (там же). Если Гермодор был действительно изгнан на основании процедуры, подобной афинскому остракизму (что возможно, но отнюдь не несомненно), и если эта процедура была скалькирована с афинской (что достаточно вероятно), из этого можно было бы сделать два взаимоисключающих, но одинаково интересных вывода: либо Гермодор был изгнан между 492 и 488 гг. и тогда его изгнание было первым из засвидетельствованных остракизмов; либо он был изгнан после 488 г., пав жертвой влияния, оказанного на эфесцев афинскими остракизмами (488—482 гг.), и тогда мы должны предвинуть до 487 г. *terminus post quem* написания Гераклитом своего сочинения. Но, к сожалению, ни одно из этих предположений не может быть сколько-нибудь убедительно обосновано: у нас нет уверенности даже в том, что Гермодор был изгнан в силу какой-то узаконенной процедуры, а не, скажем, по единовременному постановлению народного собрания.

⁵⁸ Абсолютно неприемлемое «доказательство» антиперсидских настроений Гераклита, предложенное Георгулисом, приводит Кессиди ФЭГ 39 прим.: философ якобы потому хорошо отзывался о Бианте (фр. В 39), что тот, согласно Геродоту (I, 170), «советовал ионийским полисам оказать совместное сопротивление персам». В указанном месте Геродот нам сообщает, что Биант советовал всем ионийцам вместе эмигрировать и основать общее государство на острове Сардиния!

Что касается предания об участии Гермодора в составлении XII таблиц, то, хотя в нем нет ничего невероятного (таблицы были составлены спустя 40—42 года после самой ранней возможной даты изгнания Гермодора, и если ему тогда было, как и Гераклиту, около 30 лет, то в 452 г. он уже был почтенным старцем, умудренным опытом, который вполне мог участвовать в качестве переводчика греческих законов в работе децемвиров⁵⁹), оно не вносит ничего нового в наши знания о Гераклите. Попытки отыскать во фрагментах таблиц какие-либо отголоски учения философа ни к чему не привели, да и не могли ни к чему привести: законодательство не философия, законы составлялись римлянами, а не их греческими советниками, и составлялись они для римлян, с учетом местных традиций, условий и потребностей. Да и в философии за 40 лет много воды утекло⁶⁰.

Знакомство Гераклита с Дарием (№ XI)

В предании о каких-то сношениях между Гераклитом и царем Дарием нет ничего неправдоподобного: они жили в одно и то же время; Эфес входил в империю Дария; Гераклит, в качестве сына царя-жреца, был почти ровней персидскому монарху; наконец, эфесский философ как будто не поддерживал антиперсидских выступлений ионийцев. И тем не менее это предание внушает большие сомнения, в первую очередь из-за недоброкачественности нашего единственного источника — Псевдогераклитовых писем I и II⁶¹. Можно ручаться еще, что Дарию не было никакого дела до философских изысканий Гераклита и что, буде какие-то сношения между ними все-таки имели место, они носили скорее политический характер и осуществлялись через представителей «великого царя», а не непосредственно с помощью писем (ср. способ передачи Гистиею Милетскому приглашения явиться к Дарию — Herod., V, 24).

* * *

Видимо, только после всех перечисленных событий, связанных с политической жизнью Эфеса и кончившихся поражением программы Гермодора и Гераклита, наш философ и стал философом. Во всяком случае книгу свою он написал уже после изгнания Гермодора (фр. В 124), а позднейшая традиция рисует его отшельником, живущим вне города, презирающим своих сограждан и отказывающимся от какого бы то ни было участия в управлении Эфесом (см. №№ XVIII a, XXI a). Поэтому впол-

⁵⁹ Известно, что за два года до составления таблиц римский сенат отправил трех человек в Афины для изучения законодательства Солона, а также учреждений, нравов и законов в других греческих городах, начиная с Южной Италии (Tit. Liv., III, 31, 8). О том, что Гермодор выступал как переводчик, свидетельствует Плиний (№ X c): legum...interpretis. Импрф. scribebant исключает смысл «толкователь».

⁶⁰ Вопрос о том, друг ли Гераклита сотрудничал с децемвирами, много и безрезультатно дебатировался. См., например, Zeller НЕРР; PG⁵ I 625 n. = ZM 8 n.; Bergaуs НВ 19 ss., 84, 129 ss.; Wilamowitz ZS 71; Münzer, RE, s. Hermodoros, VIII, 860; Marcovitch H 252; Mondolfo ETI 13 s. n. 3, 17 n. 6. Специально возможному влиянию гераклитовского учения на содержание XII таблиц посвящено две работы, авторы которых приходят к противоположным выводам: A. ChianaPELLI, *Sopra alcuni frammenti delle XII tavole nelle loro relazioni con Eraclito e Pitagora*, «Archivio giuridico», Bologna, 1887; F. Voesch, *De XII tabularum lege a Graecis petita*, Diss., Göttingen, 1893, 58 ss.

⁶¹ Сообщения «Суды» и Климента явно восходят к письмам. Современные исследователи единодушно отрицают за письмами какую-либо историческую ценность. Маркович (H 252) видит в истории приглашения лишь киническое общее место «nach dem Vorbild der Ablehnung des Weltherrschers Alexander durch Diogenes» и отсылает к Epictet. Ench. 15, где «figurieren Diogenes und H. zusammen eben wegen der Verachtung des persischen Reichthums». Однако West (EGPO 165) считает, что «even as a fiction it (цереписка) suggests that a stronger connection with the Persian religion was seen in the case of Heraclitus than in the case of other philosophers».

не вероятно, что обращение Гераклита к философии было связано с его вынужденным уходом с политической арены и с изучением им произведений более древних и современных ему исследователей, неудовлетворительность которых не могла оставить его равнодушным. Об этой стороне его жизни, а также о легендах, которыми она окружена, особенно об обстоятельствах его смерти, мы скажем в следующей статье.

THE LIFE OF HERACLITUS OF EPHESUS

by S. N. Mouraviev

The present article is the first part of the author's Commentary to his edition of the ancient *testimonia* on the life and book of Heraclitus (see this issue of VDI, pp. 195—215). The next two parts will appear in later issues. The texts discussed here are № I—XV.

The evidence about Heraclitus' patronymic (№ I) suggests that ΒΛΥΣΩΝ might be an old variant of ΒΛΟΣΩΝ dating from the times when Ionic Y was pronounced [u]. The reading of the second 'patronymic' and the identification of its bearer remain uncertain.

Heraclitus' dates (№ II—V) are discussed at length. All our data (except № III) seem to point to a single tradition going back to Apollodorus and possibly even to Aristotle and Pherecydes of Athens. Heraclitus was probably born ca. 520, his *floruit* was probably ca. 500 and his death (at the age of 60) ca. 460 B. C. This conclusion is mainly reached through a cross-examination of Eusebius' dates for Heraclitus and other Pre-Socratics. In № II Eusebius combined Heraclitus' *floruit* with Hellanicus', Democritus' and Anaxagoras' dates of *birth* (through a misinterpretation of ἐγένοντο as synonymous with ἐγνωρίζοντο); in № III he reflected another tradition, linking Heraclitus with Empedocles (in this entry Zeno should go with Parmenides, cf. Plat. *Parm.* 127 AB); and in № IV he turned the date of Heraclitus' *death* into still another *floruit* (and conversely Anaxagoras' *floruit* into the date of his death) in order that the philosopher remain alive for his latest *floruit* in 456 (№ III). To Eusebius a *floruit* was no more than the date of some outstanding event in a man's life who could thus 'flourish' more than once. In № IV Apollodorus' verse-fragment is wholly reconstructed from Diogenes' partial paraphrase, and the mss. reading Ἡράκλειτον is retained. In the author's opinion Apollodorus' date for Heraclitus' *floruit* (№ II) reflects an outstanding event in the Ephesian's life and does not denote his age of maturity (conventionally put at the age of 40).

Next are examined, on the assumption that any piece of information is reliable unless there is strong evidence against it, the texts in which we are told about the main events of Heraclitus' life: his renunciation of his kingship (№ VI), probably to be dated ca. 500 (at the end of his epheby) and to be identified with his *floruit* (this was an event likely to be recorded in the annals of the city); the part he may have played in convincing the Persians to raise the siege of Ephesus (№ VII), which was probably laid in 498, after the Persians defeated the Ionian-Athenian army near Ephesus, as a measure of retaliation against the Ephesians for the help they had given to the insurgents; his role in convincing the tyrant Melancomas to abdicate his rulership (№ VIII), possibly in 492, in order to comply with the restoration of democracy in Ionia ordered by Mardonius; and the banishment of his friend Hermodorus, i. e. the failure of Heraclitus' political programme after the abolition of the tyranny and the restoration of democracy (№ IX—X). Heraclitus' political views are discussed in this context, and the author's tentative conclusion is that he was in favour of an *aesymnetia* with strong laws not only against the demos (i. e. mainly the rich *parvenus*) but also against excesses of the aristocratic families striving for power (among them the dynasty of the Ephesian tyrants); the political ideal of Heraclitus and Hermodorus was probably that of the impoverished part of the aristocracy striving to restore the ancient 'code of honour'. Though personal relations between Heraclitus and Darius (№ XI) were possible, our evidence is inconclusive owing to the unreliability of the Letters.

It was only after all these events that Heraclitus, having retired from political life, devoted himself to philosophy and wrote his book (as is shown by fr. B 121). Hence 492 is the *terminus post quem* of his greatest contribution to civilization.